

Кабаков Илья
(юбилей)

24.12.03

Юбилей без юбиляра

“Десять персонажей” Ильи Кабакова

В эту осень московское художественное небо три раза осенил художник-концептуалист Илья Кабаков. 30 сентября ему исполнилось 70. И хотя Илья Иосифович уже пятнадцать лет живет за границей и приезжать в Россию не намерен, его день рождения на родине отмечается уже несколько раз. И этот факт убеждает даже скептиков в том, что Кабаков — действительно живой классик, нравится это или нет. Прежде всех в поздравляющих отменился Государственный центр современного искусства, сделав выставку “Избранные места” из найденных по Москве кабаковских работ. Затем Московский дом фотографии показал несколько унылую экспозицию “Илья Кабаков. Фотодокументация жизни и творчества”. А на днях отдел новейших течений Третьяковской галереи тоже внес свою лепту в прославление самого известного на Западе современного русского художника, открыв в зале № 38 на Крымском Валу выставку “Десять персонажей”.

И вновь маэстро не почтил вниманием Москву. Даже персоналка в самой Третьяковке не растопила сердце Кабакова. Это несколько удивляет: ведь его не лишали гражданства как, например, Оскара Рабина. На что же так глубоко обиделся Кабаков, покинувший страну только на закате перестройки? А может быть, это просто артистический жест, от которого он теперь не хочет отступиться?

Так или иначе, но москвичи наконец смогут увидеть легендарные альбомы Ильи Кабакова под общим названием “Десять персонажей”, сделанные им в 1970 – 1975 годах, еще задолго до своего триумфального шествия по миру. Точнее, сейчас покажут только пять из них, остальные придут второй очередью в январе.

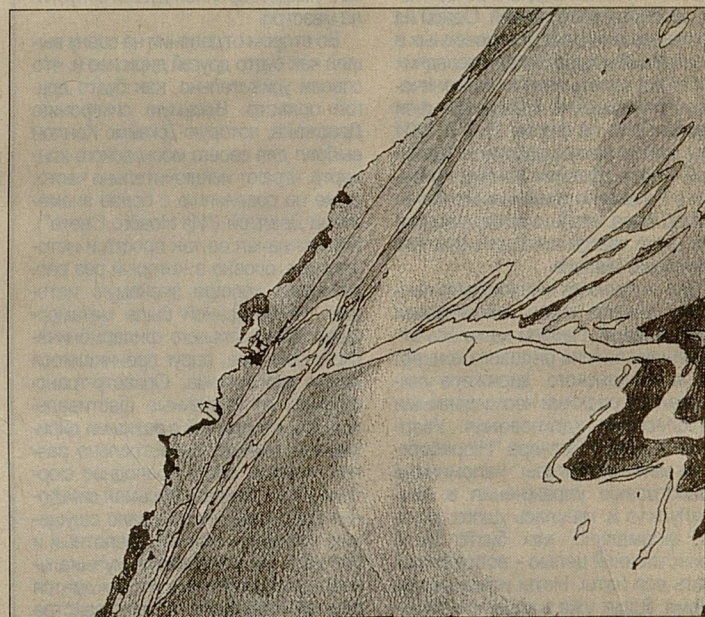
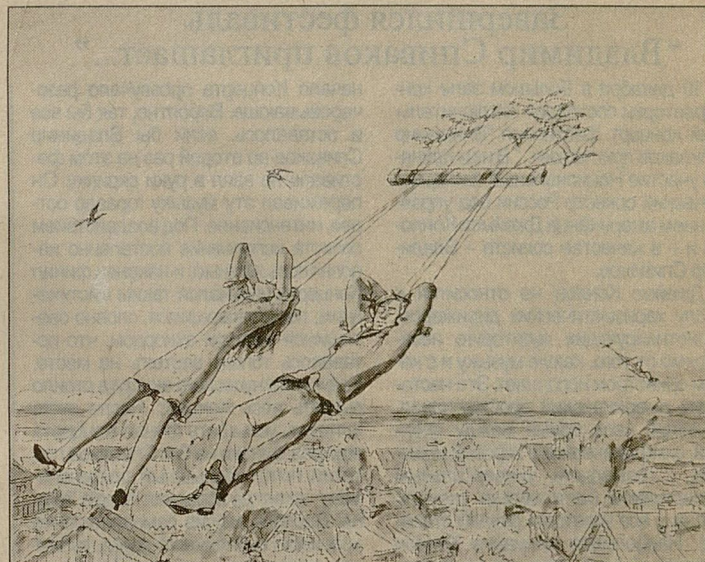
Часто бывает, что художник во время подготовки выставки не помогает, а мешает устроителям. Но в случае с Кабаковым — все строго наоборот. Весь концепт “Десяти персо-

нажей” в ГТГ именно в экспозиции, им самим придуманной. Художник давал инструкции по телефону, посылал факсы с чертежами — в общем, заставил команду Третьяковки изрядно попотеть. Зато теперь можно увидеть то, что отдаленно напоминает изобретенную Кабаковым уже в эмиграции “тотальную инсталляцию”. Московский вариант выглядит гораздо скромнее. Он лишен многого из того, что делает Кабаков для своих выставок на Западе.

Это инсталляция-лабиринт из столов и вертикально стоящих стеклянных рам, куда помещены листы малотиражных графических альбомов с историями приснопамятных “персонажей”: “Полетевший Комаров”, “Вокноглядящий Архипов”, “Мучительный Суриков” и другие маются навязчивыми мыслями, пытаются убежать от окружающей их советской действительности, убогих коммунальных квартир и унылых бюрократических коридоров. Вырваться из того самого лабиринта, куда художник загнал их, а заодно и зрителя, который должен остаться один в этих узких проходах и сосредоточиться, “чтобы чувство коллектива оставило его хоть на время в покое”. В “Диалогах” с Борисом Гройсом Кабаков говорил: “Мои персонажи, так же как и персонажи Достоевского, — идеологи. Каждый из них проводник и жертва своей идеи — собрания мусора или спасения мира. И еще: каждый из этих персонажей персонифицирует одну из моих собственных идей-фикс, моих страхов, моих желаний”.

Текст, иногда доминирующий над изображением, не делает интереснее работы, созданные бывшим профессиональным книжным иллюстратором. А прохаживаться по коридору из бледных рисунков, сопровождаемых не несущими никакой интриги целыми предложениями, — признаться, крайне утомительное и скучное занятие.

Юлия ЛЕБЕДЕВА

Работы И. Кабакова

Кучабыра-2003-18-24 дек.-с.10